

Дневник унтер-офицера группы армий «Центр» ← История и события

Недавно, будучи на Новодевичьем кладбище, подошел к могиле Зои Космодемьянской. Я и раньше бывал на этой аллее, где в основном похоронены участники Отечественной войны. Но впервые обратил внимание на два обелиска, стоящие рядышком с фигурой отважной партизанки. Слева – памятник Вите Худякову – юному харьковчанину, замученному в гестапо. Справа – скромный обелиск с портретом юноши в красноармейской ушанке и поблекшими от времени буквами. Но можно разобрать, что здесь покоится капитан Красной армии, член ВКП (б), орденоносец Владимир

Недавно, будучи на Новодевичьем кладбище, подошел к могиле Зои Космодемьянской. Я и раньше бывал на этой аллее, где в основном похоронены участники Отечественной войны. Но впервые обратил внимание на два обелиска, стоящие рядышком с фигурой отважной партизанки. Слева – памятник Вите Худякову – юному харьковчанину, замученному в гестапо. Справа – скромный обелиск с портретом юноши в красноармейской ушанке и поблекшими от времени буквами. Но можно разобрать, что здесь покоится капитан Красной армии, член ВКП (б), **орденоносец Владимир Григорьевич Шейнцвит**. Родился в 1923 году (ровесник Зои), похоронен в 1943-м. Единственный сын. Захотелось узнать о молодых людях подробнее. Написал в Харьков, в Совет ветеранов. Увы, ответа не получил. Из Центрального архива Минобороны РФ, что в подмосковном Подольске, ответили: да, у нас хранятся документы о капитане Шейнцвите. Главное управление кадров Минобороны разрешило выдать личное дело, справки командования, протоколы опросов (так было принято – именно опросов, а не допросов) пленных, которые вел Володя, записи о его деятельности в качестве автора и диктора передач на МГУ – мощной громкоговорящей установке.

Из автобиографии, написанной Шейнцвитом на фронте в ноябре 1942 года, я узнал, что он родился в 1923 году в Берлине. И вместе с родителями – работниками советского торгпредства – прожил в Германии почти 13 лет. В 1937 году семья вернулась в Москву; Володя окончил школу, поступил на биофак МГУ.

В первые дни войны записался в студенческий батальон, оттуда добровольцем в действующую армию. В совершенстве владеющего немецким, его направили на Калининский фронт, в политотдел Четвертой ударной армии, в отделение, занимавшееся работой среди войск и населения противника. До населения – тысячи километров, а германские позиции вот они, в 400-500 метрах от наших. Володя Шейнцвит выдвигался со своей установкой еще ближе. В одном донесении я прочитал: вел передачу в 30-40 метрах от немецких окопов.

Политрук Шейнцвит опрашивает пленного солдата 6-й роты 2-го батальона 257-го пехотного полка 83-й пехотной дивизии Вильгельма Штрайха. Ему 31 год, в вермахте с февраля 1940-го, воевал в Голландии, Бельгии, Франции. С января 1942 года на Восточном фронте, под Великими Луками и на Смоленщине. Явно напуган, охотно отвечает на вопросы. Подтвердил, что на них произвели большое впечатление листовки, звуковые передачи, в которых рассказывалось о судьбе конкретных солдат, попавших в плен, о положении Германии по письмам конкретных лиц.

Возникла дерзкая идея: пусть Штрайх обратится к своим однополчанам. И не в записи, а, так сказать, в прямом эфире. Будет лежать в окопчике рядом с Шейнцвитом и станет разговаривать с теми, кого он знает и кто знает его. Идея понравилась, но Владимира, полагаю, предупредили: под твою личную ответственность, черт его знает, что ему взбредет в голову в последний момент.

Поздним вечером, когда стало относительно тихо, над немецкими позициями на окраине смоленского городка Велиж раздался голос, уже знакомый многим немцам, оказавшимся здесь. На безукоризненном немецком диктор произнес: «Солдаты 257-го пехотного полка! С вами сейчас будет говорить ваш однополчанин Вильгельм Штрайх!» Стало совсем тихо. Штрайх рассказал, что в советском плену не так

страшно, как это расписывали офицеры из роты пропаганды, что его накормили, перевязали царапины, конечно, допросили, но не били, не издевались. Отправят ли его в Сибирь, чего все так боятся, он не знает. Но плен, считает Вильгельм, – единственная возможность вернуться домой живым.

Эксперимент с выступлением пленного в прямом эфире признали эффективным. Об этом свидетельствовали и пока немногочисленные пленные – сдавшиеся добровольно и взятые в бою.

В один из дней **Шейнцвиту** принесли дневник, найденный в блиндаже, откуда вышибли немцев. Звание и фамилия автора не указывались, но, судя по записи, принадлежал он унтер-офицеру того самого 257-го пехотного полка 83-пехотной дивизии.

Вообще-то ведение дневников и в Красной армии, и в вермахте запрещалось. Но их заводили, как правило, высшие офицеры. О дневниках рядовых слышал очень редко. Записи вели, в частности, многие немецкие военачальники, включая фельдмаршалов. В официальных бумагах было немало лукавства. А личному дневнику доверяли свое выстраданное, зная, что, кроме самого автора, никто это не прочтет. Ан нет, прочитали...

Вот и дневник неизвестного унтер-офицера, погибшего на смоленской земле летом 1942 года, прочитал офицер 4-й ударной армии Калининского фронта **Владимир Шейнцвит**. Прочитал и понял, почувствовал, как прозревают солдаты и сам унтер-офицер. Происходит это мучительно трудно, медленно. Прочитал Володя и перевел. Наверное, какие-то фрагменты из дневника использовались в листовках и звуковых передачах. Дневник бережно хранился в Центральном архиве Минобороны без малого семь десятилетий.

Хроника осмысления

Выдержки из дневника унтер-офицера, захваченного при разгроме немецкого гарнизона в деревне Козодево.

- **1 января 1942 г.** Готовимся к погрузке. Ужас сколько разного барахла. Одних саней только 3775 штук. Сани – значит в Россию.
- **2 января.** Отъезд. Майор Гилль с нами. Переезжаем через Руан. Это во Франции. Большие потери под Москвой вынуждают германское командование перебрасывать резервы через всю Европу.
- **5 января.** Польский ландшафт. Кутно. Дома без заборов. Варшава, разрушения. Данцигский вокзал. Дуюмся в карты.
- **8 января.** Полька забирает у нас белье для стирки. Кроме нее никто не хочет стирать на нас, говорит она. Женщина в лагере.
- **14 января.** Лыжи... лыжи... лыжи. Сам майор с нами занимается. Близится Россия.
- **18 января.** Приезд в Полоцк. Марш 25 километров. Прибываем в Витебск. Город разрушен. Жители и дети в лохмотьях. Идем в казармы. Идет строительство, строят солдатский клуб. Для русских имеется театр.
- **19 января.** Кто-то поджег солдатский клуб.
- **20 января.** 1-й батальон выступает в направлении Велиж. Это как раз к позициям 4-й ударной армии на Смоленщине.
- **21 января.** Ужасный мороз. Женщины с мольбой просят хлеба. Прокладываем связь.
- **24 января.** Из Суража в Беляево. 30 километров? Идем на лыжах... Все больше и больше обмороженных товарищей. Я обморозил себе пальцы ног и не могу идти. Кушать нечего.
- **26 января.** Русские бомбили и сбрасывали листовки. Тревога. Пожары.
- **28 января.** В 7 часов тревога. Погиб Фриц. Товарищи говорят о смерти. Бдительность, бдительность... Готовность к бою. Говорят, что в 7 километрах стычки с врагом. Плохое настроение. Нас кто-то обстреливает. Погиб лейтенант Куммер, Мюллер тоже. Я достаю коньяк и одеяло для светомаскировки. Один из батальона говорит по-русски. Русская хозяйка разговорчива. Ее дочь изучает медицину в Ленинграде... На передаточном пункте ужасно много обмороженных. Ночью вдруг возвращаются 7-я и 8-я роты и капитан Ойлини. Ровно в полночь возвращается штаб полка и полковник. Перестрелка.
- **29 января.** Дежурю у рации. Положение очень серьезное, но не безнадежное. Русские нас окружили. Написал прощальное письмо. Интересно, дошло оно?

- **2 февраля.** Ужасный обстрел... Товарищи 25 часов без передышки вели бой. Лейтенант Даус и унтер-офицер Шлифер сошли с ума. Скоро весь взвод сойдет с ума.
- **3 февраля.** Клаус Штразе подсчитал, что у нас 56% потерь. Наш дом находится под огнем. Выход из дома завален. Проламываем стену. Рядом 13-летняя девушка и 23-летняя женщина. Они говорят по-немецки. Соседей расстреливаем. Вот так буднично, без эмоций, как «тянем провода» или «обморозил пальцы ног». Знают немецкий? Значит, русские шпионы. Ни на одном допросе в этом не признался бы. А дневнику доверился.
- **4 февраля.** Героди и обер-лейтенант Штице погибли. Штирдау погиб. В пулеметной роте почти все погибли.
- **5 февраля.** Ландесшютцен Майер расстрелян за то, что покинул свой пост. Мы взяли пленных. Они думают, что их расстреляют. Мысли о доме. Враг опять ворвался в город. Мы бросаем ударную группу на врага, и его удалось отгеснить. На перекрестке улиц лежат убитые товарищи.
- **9 февраля.** Уже 14 дней не мылись и не брились. Фу ты, черт, снаряд разбил дом рядом. Говорят, что к нам идет подкрепление. С воздуха нам бросают боеприпасы и продовольствие. Ландесшютцен убегает.
- **11 февраля.** Наше подкрепление подошло на 25 километров. По-видимому, они послезавтра будут здесь... Большинство из нас награждены железными крестами. Беккер делает ироническое замечание по этому поводу. Я его серьезно одергиваю. Оказывается, автор убежденный нацист. В другом месте грозитя доложить в штаб о таких настроениях.
- **14 февраля.** Русские танки наступают в районе 7-й роты. Иогриф погиб. Сбросили ящики с железными крестами... Голод.
- **23 февраля.** День Красной армии. В честь этого мы обстреливаем русских из наших тяжелых орудий.
- **25 февраля.** Сидим под печкой и ждем артаступления русских. Прямое попадание русской артиллерии в штаб роты Вильмерса. 7 убитых, двое ранены. Убиты лейтенант Мюллер и фельдфебель Мюллер.
- **26 февраля.** Русские подбили 9 наших танков. Опять прямое попадание в штаб. Убиты Мюллер 3-й и Мюллер 4-й, а также фельдфебель Мюллер. Русский снайпер убил Францеля прямо через амбразуру в голову. Черный юмор насчет порядковых номеров Мюллеров.
- **21 марта.** Русская передача из рупора. Вебер приказал «ответить» огнем. В эту ночь на звуковке работал Володя.
- **27 марта.** Слушаем русские и украинские песни о покинутых девушках.
- **29 марта.** Вечером русские опять говорят по-немецки. Чисто. **Чисто – значит Шейнцвит.**
- **1 апреля.** Получили почту. Русские стреляли из какой-то новой ужасной пушки. Непонятно, что это за пушка. Много домов сразу загорелось. А возможно, много пушек? Что-то одновременно покрыта большая площадь. Много убитых.
- **2 апреля.** Утром с Адольфом разговор о русской передаче. Петер о чем-то спорит. Ночью опять русская передача. Неясно, о чем разговор и о чем спорят. Но слушают!
- **8 апреля.** Русские обстреливают нас из леска. Вечером через реку передача русских.
- **10 апреля.** Учеба: как бороться с танками.
- **12 апреля.** Русская передача через реку. Они рассказывают о правде в России. Неужели это правда? Кто его знает.
- **20 апреля.** Весенняя погода. День рождения фюрера. Майор выступает с речью. Послали врача к русским военнопленным. Наши заболели сыпным тифом.
- **21 апреля.** Сожгли у русских 25 домов. Еще подожгли у русских 30 домов.
- **22 апреля.** Русские нас сильно обстреляли. Получили почту. Говорят, что ночью получили известие от Вильгельма Штрайха. Говорят, что он выступал по радио. Неужто он жив? Ходит об этом много разговоров.
- **30 апреля.** Ночью пропагандистская радиостанция русских. Музыка напоминает дом. Черт возьми, и так тоскливо.
- **4 мая.** Бесконечный обстрел. Опять поет сталинский орган. Наступление танков на севере. Русская передача.
- **7 мая.** Сначала тяжелый обстрел, а потом опять русская передача... Ночью беседовал с Нильсоном и Плейтоном. Беседовали об утренних приветствиях. Они говорят, что это не защита родины, а просто убийство. И я им сделал строгое замечание.
- **8 мая.** Опять обстрел. Нильс много болтает о передаче. Он что-то пишет в своем дневнике. А мне говорит, чтобы я не совался туда, где я этого не понимаю. Надо будет об этом доложить.
- **13 мая.** Русская радиопередача.
- **23 мая.** Дождь. Беседовал с Оттен на тему: переход в плен и солдатский долг. Интересно, что он скажет. Русская радиопередача.

- **24 мая.** Вечером русская радиопередача.
- **31 мая.** Ночной марш в Беляево... В половине домов жителей нет. Они ушли в партизаны. Зачем?
- **3 июня.** Эрвин Зиммерс получил отпуск. Богослужение. Будь он проклят, этот католический поп.
- **12 июня.** Марш. Идем по дороге.

Это был его последний марш по советской земле.

По лаконичным записям видно, как под огнем «Катюш» и голосом из «звуковки» задумывался, прозревал германский солдат.

Источник:

sousekretno.ru